Владимире Волкове, наследнике двух родов военных, нечто от царского офицера, которым он мог бы стать, если бы... Строго застегнутая на все пуговицы куртка, на которой глаз невольно ищет эполеты, ясный взгляд, отчетливый голос, белокурая бородка, аристократическая чопорность: так и видишь его целующим в полупоклоне руку придворной дамы.

История показала иначе: Волков стал писателем. Автор сенсационного "Обращения", он опубликовал в начале 1980 года "Олтувай" - первый том тетралогии "Настроения моря", которую писал десять лет. В настоящее время Волков живет в Маконе /США, штат Джорджия/

ЛАНН: - Владимир, Вы - сын русских эмигрантов, обосновавшихся во Франции. Каким было Ваше детство?

ВОЛКОВ: - Нищим и счастливым. Я - родом из семьи, которая считает делом чести жить в бедности, но не оседать, не пускать корней. Мы долго верили, что вернемся однажды в Россию. Мой отец работал сначала мойщиком автомобилей, затем - электромонтером в Нормандии. Когда началась война, он вступил в Иностранный легион и попал в плен. Мы с матерью жили в единственной комнате - жили песнями, стихами, историями, которые она рассказывала, мечтами о России /о вымышленной России/, моими школьными успехами.

- Что заставило Вас полюбить Францию?

- Когда я учился в лицее Клода Бернара, один из моих школьных приятелей дал мне почитать книгу о Марии-Антуанетте. В переплет этой книги был вшит клочок платья, которое она носила в тюрьме. То, что он дал мне эту книгу, было высокой честью и знаком доверия. Мои родители тоже хранили кусочек платья вдовствующей императрицы-матери. Вот когда у меня открылись глаза на историческую и легендарную Францию, столь близкую моему сердцу. Так состоялось мое обручение с ней.

- А свадьба?

- 7 июня 1958 года в Бершеле /Алжир/, когда я получил офицерские погоны. Я должен был командовать молодыми французами, вести их в бой: в этот день я впервые почувствовал себя французом .

- Владимир, Вы изучали литературу и имеете ученые степени по литературе и философии. Откуда у Вас эта тяга к армии?

- По наследству. Мои родственники - и с отцовской, и с материнской стороны - были кадровыми военными, и я получил воспитание в духе трагической жертвы, жертвы жизнью. Это мистика. И одновременно игра: веселая игра, ставка в которой - жизнь.

- В ней играют и чужими жизнями!

- Только с конца XVII века, когда война превратилась в отвратительное массовое предприятие. Но война, в которой с обеих сторон сражаются добровольцы, очень забавна, лучший вид спорта. Я не имел французского гражданства, когда проходил призывную комиссию. Получив его, я окончил офицерское училище и пять лет служил в армии, как раз во время войны в Алжире.

– Слова "весело" и "забавно" вряд ли применимы к этой войне.

– Конечно, если Вы имеете в виду политические преследования и взрывы в кафе. Самый ценный опыт я приобрел в С.А.С. специальной административной службе, где имел возможность делать конкретное, полезное и прямое дело.

– Вы всегда напускаете на себя некоторую таинственность, когда у Вас допытываются, занимались ли Вы шпионажем?

– А кто им не занимался? Сплетни, например, – чем не шпионаж? Функция разведки не была возложена на С.А.С., но поневоле приходилось заниматься и ей. Впрочем, я никогда не погружался в нее по-настоящему.

– Откуда же в таком случае столь строгая документальность "Обращения"?

– Не забывайте, что я – писатель! Послушайте, Софи, если я скажу Вам "да", Вы услышите "нет," а если скажу "нет", вы поймете его как "да". Судя по Вашей улыбке, Вы решили, что я отрицаю свою причастность к разведке с единственной целью – чтобы все думали, будто я был к ней причастен.

– Владимир, а откуда у Вас этот дух тайны, игры, маски, присутствующий во всех Ваших произведениях?

– Прежде всего – от моей страсти к театру. Я много занимался режиссурой (как любитель, естественно) в бытность мою в Сорбонне, в Канаде и особенно в США, никогда, впрочем, не выходя за пределы студенческого театра. И вообще у меня склонность к эзотеризму: самое ценное для меня – то, что сокрыто.

– Вы написали книгу о святом Владимире. Не его ли жизнь привела Вас к размышлениям о Добре и Зле – главной теме "Обращения" и "Настроений моря"?

– Парадокс Зла – сердцевина того, что меня более всего волнует. Каким образом Злу нередко удается вершить благие дела? Я ищу ответ на этот вопрос и этим же занимаются герои моих романов. Святой Владимир во всем был чрезмерным человеком: горлец, хвастун, рабле зианец, лукавый дипломат, он содержал 800 наложниц и организовал своеобразную систему развлечений. Он казнил людей и он же основал первые русские школы и богадельни. Он глубоко погружался в чувственность и высоко воспарял духом.

– Какие ценности Вы считаете высшими?

– Ничто так не разобщает людей, как иерархия ценностей. Меня всегда поражали люди, которые считают, что чистый дух важен сам по себе, что это не игра.

– Которую Вы так любите?

– Да. В молодости я два года проучился у иезуитов, и наибольшую страсть в колледже у меня вызывала бильярдная. Тогда я понял, что если начну играть, то ничем не смогу заниматься. То же повторилось с шахматами, которые я обожаю не меньше, чем фехтование и охоту. По мне книги лишь немногого превосходят бильярд и шахматы, на самую малость.

– Вы считаете, что идеи – великий грех?

– Есть идеи серьезные – их стремятся передать другим, веря, что они – частицы истины. И есть идеи, превращенные в идеологию – это ужасно! Да, такие идеи – великий грех. Пора вернуться к очевидному и простому здравому смыслу. Я уважаю всякого, кто умеет что-то делать и притом делать хорошо.

Немало неграмотных людей вызывали в свое время мое восхищение. Вспоминаю одного арабского феллаха и деревенского старосту - вот кто истинные праведники! Любая иерархия представляется мне ложной, истина достается только тем, кто ее ищет.

- Какая истина?

- Любовь, преодоление себя.

- Владимир, Вы не читаете газет, не смотрите телепередач. Почему Вы стремитесь уклоняться от общественной жизни?

- Меня страшит псевдодеятельность. 99% людей заняты псевдодеятельностью, и это вызывает у меня глубокое отвращение. К чему читать газеты, которые лгут? Не лучше ли посвятить себя делу, которое мне удается - созданию образов?

- Как Вы работаете?

- Без конца правлю. Сначала набрасываю черновик, потом вычеркиваю в нем все, от первой до последней фразы. Обожаю вычеркивать. Писать для меня - истинное удовольствие, а не пытка, как для некоторых авторов.

- Выходит, что Вы - счастливый человек?

- Конечно!

- Владимир, Вы всем занимались понемногу: театром, шпионажем, писали романы, научную фантастику, биографии, в том числе биографию Чайковского, своего дальнего родственника. Каков общий знаменатель Вашей деятельности?

- Я делаю то, что мне нравится. Вот и сейчас, мне очень нравится то, над чем я работаю.

- Новый роман?

- Нет, нечто вроде памфлета - направленное против безразличия эссе "Комплекс Прокруста".

.....